

Текст · 7 февраля 2019, 07:59
Александр Бородихин, Елизавета Пестова,

Соли, спайсы и суды. Как ульяновская колония пытается запретить сравнивать себя с Освенцимом

Освенцим

«Предприимчивые соколики вы мои! Вот ни в коем случае нельзя с этим связываться. А самое главное, рано или поздно — 99–100% — вы сядете. Почему? Потому что вы продаете яд», — с такими словами в 2017 году обращался к зрителям ГТРК «Волга» осужденный Александр Бобров из колонии строгого режима в Димитровграде. Диджей, владелец таксомоторной компании и сети продуктовых магазинов из Ульяновска еще в 2011 году получил девять лет по делу о контрабанде и торговле едва успевшими попасть под запрет спайсами (часть 2 статьи 188, часть 1 статьи 30, пункт «г» части 3 статьи 228.1 УК).

Бобров сначала отбывал наказание в колонии строгого режима, а потом за хорошее поведение был переведен в димитровградскую колонию-поселение №5. «Если бы он еще в колонии-поселении положительно характеризовался, он бы имел шансы уже по УДО освободиться», — говорит самарский адвокат Станислав Селезнев, который сотрудничает с международной правозащитной группой «Агора».

Селезнев представляет интересы не самого Боброва, а сестры его жены — Марины Савиной. В декабре

прошлого года администрация КП-5 и лично врио начальника колонии-поселения Марат Идрисов подали к ней и местному активисту Игорю Топоркову иски о защите чести и достоинства из-за пикетов, которые они регулярно проводили возле здания управления ФСИН по Ульяновской области: на одном из плакатов КП-5 называли «димитровградским Освенцимом» и требовали снять с должности ее начальника — «пыточника» и «вымогателя».

«Информационным транспарантом ответчик фактически указывает на совершение Идрисовым М. И. незаконных действий, преступления против жизни и здоровья осужденных, преступлений против собственности, недобросовестности в выполнении установленных государством функций пенитенциарной системы», — так в своем иске Идрисов интерпретировал смысл плаката, возмущаясь его «оскорбительным характером». На упоминание пыток и вымогательства указано и в иске самой колонии, который также подписан Идрисовым; кроме того, в иске приведены цитата из статьи о концлагере Освенцим на «Википедии» и краткая историческая справка по материалам Нюрнбергского процесса.

Идрисов просит признать данные с плаката «не соответствующими действительности» и взыскать с Савиной и Топоркова 100 тысяч рублей плюс 300 рублей госпошлины, администрация колонии-поселения — всего шесть тысяч рублей пошлины. Разбирательства по двум искам ведут

параллельно разные судьи; адвокат Селезнев просил суд объединить оба процесса, но рассмотреть его ходатайство решили позже.

В отношении Топоркова были поданы еще два иска за другие плакаты с упоминанием пыток: один — временным главой ульяновского управления ФСИН Дмитрием Чуриковым, второй — от имени управления. «Суд отказал в иске руководителю Ульяновского ФСИН. Узнал от него, что живу на деньги криминала, что плакаты, с которыми я выхожу, оплачены американцами», — написал Топорков в фейсбуке 5 февраля.

Греция — Таиланд — Китай — «Индиана»

Марина Савина на вопрос корреспондента «Медиазоны» о роде занятий с некоторым стеснением говорит, что торгует рыбой: «Везде удивляются — во ФСИН, в Минюсте, в УПЧ. Недоумевают». Куда охотнее она говорит про осужденного Боброва, которого защищает на пикетах, и историю его конфликта с администрацией.

До уголовного дела Александр Бобров был предпринимателем — успешным и очень разносторонним. «Сначала работал диджеем в Греции, — вспоминает Савина. — Потом его оттуда депортировали, потому что вид на жительство не был оформлен, документы просрочились. Вернулся он в Россию. Он устроился, работал диджеем в клубах. Это ему 17–18 лет было. Он с десяти лет торговал газетами, у него жилка такая есть, он никогда не сидел [на месте]».

Выступая в ульяновском кафе, диджей Бобров познакомился со своей будущей женой Кристиной, которая работала там официанткой. Вскоре Александр и его возлюбленная открыли собственное кафе, а чуть позже — сервис такси: «В Чебоксарах у него были представительства, в Самаре, в Ульяновске». Таксомоторный бизнес процветал; доходы от него позволили паре купить сначала павильон в центре города («торговали там соками, водами, пивом, сигаретами»), а потом еще один — на другом берегу Волги. «Потом они поженились и уехали в Таиланд, — вспоминает свояченица. — Там он открыл ресторан двухэтажный, были поставки русской еды. Это 2008–2009 год».

Вернувшись в Россию, Бобровы застали пик спайсовой лихорадки: психоактивными курительными смесями, тогда еще не попавшими под запрет российских властей, активно торговали повсюду. «Даже автоматы стояли в торговых центрах, — рассказывает Савина. — Они не были там под запретом, а даже как сигареты не рассматривались. И вот такую штуку он завез себе в оба киоска. Ну, как говорится, не запрещено, стали продавать». Осваивая спайсовый рынок, Бобров не забывал и про Таиланд, пытаясь запустить поставки чистой питьевой воды из местного поселка Зеленая Роща в Азию.

Начавшаяся борьба со спайсами, объясняет родственница, Боброва не остановила: к тому моменту в список запрещенных веществ попал синтетический каннабиноид [JWH-018](#), а родственное ему соединение [JWH-250](#) еще оставалось легальным: «То есть он закупает то, что не запрещено,

и продолжает торговать. Но от запрещенного он избавляется». Несмотря на это, следователи возбудили в отношении бизнесмена уголовное дело; суд признал вещества аналогами, а Боброва — виновным в контрабанде аналогов наркотических средств и приготовлении к незаконному сбыту в особо крупном размере.

В суде продавщица одного из принадлежавших Боброву киосков объясняла, что торговала спайсами до зимы 2010 года, а после запрета одних смесей торговые представители стали приносить другие: «"Крис", похожую на махорку, "Индиану" в виде пластичного вещества, "Спортивное питание" в виде соли, а также еще какое-то вещество в виде розовых таблеток». Задержали предпринимателя вскоре после возвращения из Китая, откуда он пытался наладить прямой канал поставки веществ по почте.

Свидетель Г*** в судебном заседании пояснил, что работает оперуполномоченным УФСКН РФ. Летом 2010 года в их отдел стала поступать оперативная информация, что г. Ульяновск заполняется различными курительными смесями и солями, содержащими в своем составе наркотические вещества. Так, согласно поступившей информации, Бобров А. и его жена Бо*** реализуют данные вещества через сеть принадлежащих им киосков, расположенных в Заволжском, Ленинском и Железнодорожном районах г. Ульяновска. Было принято решение о документировании их преступной деятельности, и с санкции суда осуществлялось, в том числе,

такое ОРМ, как «Прослушивание телефонных переговоров», в ходе которого было установлено, что доход от сбыта данных курительных смесей и солей приносит Бобровым доход, значительно превышающий их доход от легального бизнеса.

<...>

Также свидетель пояснил, что с целью установления причастности Бо*** к деятельности Боброва, направленной на незаконный оборот наркотических средств, в отношении Боброва было проведено ОРМ «Наблюдение», в ходе которого в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Ульяновской области прибыла сотрудница УФСИН Си*** и под видом психологического теста провела с Бобровым беседу, которая фиксировалась посредством аудиозаписи. Данная беседа, записанная на компакт-диск, была передана следователю Б*** для приобщения к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Из приговора Железнодорожного районного суда Ульяновска

Димитровград

Вину после задержания Бобров не признал, несмотря на давление: Савина рассказывает, как бизнесмена «посадили в камеру к второходам», а сотрудники изолятора из-за жалоб выливали ему на матрас воду из чайника. «Со всего СИЗО ему передавали газеты, чтобы <...> влага впитывалась, чтобы он спать мог, — вспоминает она. — Оболюют матрас, выкинут в продол и говорят: "Опять Бобров обоссался". Потом мы на них проверку наслали, и прекратилось это все».

«И вдруг он приезжает в рай, в колонию!»
 — с воодушевлением продолжает свояченица осужденного. Большую часть срока бизнесмен провел в исправительной колонии №10 Дмитровграда, что в полутора часах езды от Ульяновска — там он пытался выращивать овощи в парниках, работал в литейном цеху. В колонию-поселение Боброва перевели только к концу срока после записи [сюжета для ГТРК](#) с «антипропагандой» наркотиков; его жена к тому времени давно вышла на свободу, отсидев два с половиной года.

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

С переводом в КП-5 в октябре 2017 года перед коммерсантом должен был открыться путь к условно-досрочному освобождению, но в реальности начались проблемы. По словам Савиной, сотрудники администрации Сергей Бояркин и Марат Идрисов предложили Боброву организовать в колонии-поселении какое-нибудь производство — например, запустить пекарню. «При этом ему было ясно и четко указано на то, что необходимые финансовые вложения Бобров А.В. должен был сделать за счет собственных средств», — сказано в протоколе адвокатского опроса Савиной. Она считает, что заключенный-бизнесмен оказался «разменной монетой» в сложной интриге между Идрисовым и тогдашним начальником КП-5 Валерием Перфильевым, у каждого из которых якобы была собственная сфера влияния в колонии.

Александр Бобров. Фото: из архива семьи Бобровых

Для проработки схемы финансирования пекарни Перфильев и Идрисов предоставили Боброву кабинет Бояркина, разрешили свободно пользоваться мобильным телефоном и интернетом для подбора персонала через «Авито», а также встречаться с женой. «Ему Бояркин, замначальника колонии, кабинет выделил. Идрисов ему дал телефон, разрешил сотовой связью пользоваться, дальше — оргтехника. Все, что в этот кабинет, он покупал на свои деньги, стулья там», — утверждает Савина, называя приблизительную сумму расходов (150 тысяч рублей) и в общих чертах описывая схему работы (офис за территорией КП-5 и пекарня в самой колонии). Предприятие оформили на родственника Савиной; она говорит, что в колонии за счет Боброва успели отремонтировать зернодробилку.

Однако наладить производство не получалось, и Бобров, по словам свояченицы, обратился лично к начальнику колонии, который перенаправил его к своему заместителю по безопасности и оперативной работе Идрисову. «Сто тыщ с тебя, мне все это надоело», — якобы ответил тот. После этого у осужденного начались проблемы: обыски (по пять раз в день), мелкие замечания (например, за то, что не сразу поприветствовал сотрудника колонии, подошедшего со спины), претензии — в итоге в декабре 2017 года у осужденного случился приступ эпилепсии; говорить о развитии хлебопекарного бизнеса уже не приходилось. В январе Боброва несколько раз помещали в штрафной изолятор: 11 числа он не поздоровался с сотрудником, 15 числа — снова не поздоровался и не назвал свое имя и год рождения, 26 января — за то, что из неврологического

отделения больницы Димитровграда через жену передал обращение в прокуратуру. После этого его признали злостным нарушителем порядка.

«У него и вещи воровали, потом обстригли его клочками, в робу одели, смеялись над ним, на видео снимали приемы с врачами», — перечисляет родственница.

По данным адвоката Станислава Селезнева, сейчас Александра Боброва перевели из колонии-поселения в обычную по соображениям безопасности — заключенный активно защищает свою позицию, подает иски к администрации и уже сумел отменить шесть из девяти взысканий. «Я вчера знакомился с материалами проверок Следственного комитета, там материалы проверки аж в семи томах по жалобам вот этого вот Боброва, — рассказывает адвокат. — Бобров переведен опять в исправительную колонию, то есть ему режим ужесточен. Но он туда, по словам Савиной, переведен не в связи с тем, что у него большое количество взысканий, его ж туда майор Идрисов хотел направить».

Следующее заседание по иску врио начальника колонии к Марине Савиной и Игорю Топоркову состоится в Засвияжском районном суде Ульяновска 11 февраля.

Исправлено в 11:50 В первоначальной версии статьи говорилось, что матрас Боброва в СИЗО обливали сокамерники. После публикации Марина Савина уточнила, что делали это сотрудники изолятора. Также уточнена цитата адвоката Селезнева.

